

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-126-131
УДК 821.161.1

Дата поступления статьи: 6/IX/2018
Дата принятия статьи: 27/IX/2018

К.С. Поздняков

**«ЛЮБИМЫЙ ТРАМВАЙ» В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М. ЗОЩЕНКО, И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА**

© Поздняков Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

E-mail: kpozdneyakov@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

АННОТАЦИЯ

Тема статьи представляется актуальной, поскольку в настоящее время происходит новое осмысление отечественной литературы 1920-1930-х гг.: появляются статьи и монографии, посвященные творчеству В.П. Катаева, М.М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова и демонстрирующие кардинально иной подход к текстам советских писателей. Научная новизна темы заключается в том, что обозначенный в заглавии топос прежде не становился предметом рассмотрения в литературоведческих статьях и монографиях.

Цель работы: восстановить смыслы, генерируемые изучаемым топосом. Задачи статьи: а) соотнести трамвайный топос с соответствующим фрагментом реального пространства; б) перечислить значения и коннотации, связанные с трамвайным топосом; в) сформулировать функции персонажей в контексте трамвайного топоса. В статье использован метод семиотического анализа художественного текста. Помимо текстов М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, проанализированы фрагменты произведений Б.Л. Пастернака, Д.И. Хармса, М.А. Булгакова, фольклорные источники. В теоретическом отношении статья базируется на исследованиях В.Я. Проппа, В.Ю. Прокофьевой, А.К. Жолковского.

В статье сделаны следующие выводы: топос трамвая порождает смыслы обрядово-ритуального характера (имеются в виду обряды инициации и похорон). Инициация напрямую связана с коммунальным/коллективным телом, частью которого необходимо стать советскому индивиду. Смерть представляется наказанием, уготованным персонажу, не сумевшему пройти серию обрядовых испытаний.

Таким образом, изучение подобных топосов, коррелирующих с фрагментами реального пространства, представляется перспективным в контексте рассмотрения истории отечественной литературы 1920–1930-х гг. Несомненный интерес в этом плане представляют топосы коммунальной квартиры и советского бюрократического учреждения, во многом обусловившие генезис и развитие советской мифологии.

Ключевые слова: топос, инициация, мифология, сема, семема, репрезентация, контекст.

Цитирование. Поздняков К.С. «Любимый трамвай» в сатирических произведениях М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 126–131. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-126-131>.

Благодарности. Доктору филологических наук, профессору О.В. Журчевой; доктору филологических наук, профессору И.В. Саморуковой.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

K.S. Pozdnyakov

«FAVORITE TRAM» IN SATIRICAL WORKS BY M. ZOSHCHENKO, I. ILF AND E. PETROV

© *Pozdnyakov Konstantin Sergeevich* – Candidate of Philological Sciences, assistant professor, Department of Journalism, Samara State University of Social Sciences, 65/67, Maxim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.

E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru. **ORCID:** <https://doi.org/0000-0002-2646-6410>

ABSTRACT

The theme of the article is relevant, because at present there is a new understanding of the national literature of the 1920-ies-1930-ies: there are articles and monographs devoted to the works by V. Kataev, M. Zoshchenko, I. Ilf and E. Petrov and demonstrating a radically different approach to the texts by Soviet writers. The scientific novelty of the topic lies in the fact that the topos indicated in the title did not become the subject of consideration in literary articles and monographs before.

The purpose is: to restore the meanings generated by the studied topos. The objectives of the article are: a) to correlate the tram topos with the corresponding fragment of real space; b) to list the values and connotations associated with the tram topos; c) to formulate the functions of the characters in the context of the tram topos. The article uses the method of semiotic analysis of literary text. In addition to the texts by M. Zoshchenko, I. Ilf and E. Petrov, the fragments of the works by B. Pasternak, D. Kharmis, M. Bulgakov, and folklore sources are analyzed. In theoretical terms, the article is based on the research by V. Propp, V. Prokofieva, A. Zholkovsky.

The following conclusions were made in the article: the topos of the tram creates the meanings of ceremonial and ritual character (this refers to initiation rites and funerals). Initiation is directly related to the communal/collective body, a part of which a soviet individual must become. Death appears to be a punishment prepared for the character who failed to pass a series of ritual tests.

Thus, the study of such topos, correlating with fragments of real space, seems promising for consideration of the Russian literature of the 1920-ies-1930-ies and its history. In this regard, the topos of the communal apartment and of the soviet bureaucratic institution are of interest, as they largely determined the genesis and development of the soviet mythology.

Key words: topos, initiation, mythology, sema, semema, representation, context.

Citation. Pozdnyakov K.S. «*Liubimi tramvai*» v *satiricheskikh proizvedeniakh M. Zoshchenko, I. Il'fa i E. Petrova* [«Favorite tram» in satirical works by M. Zoshchenko, I. Ilf and E. Petrov]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 4, pp. 126–131. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-126-131>.

Acknowledgements. To the Doctor of Philological Sciences, professor O.V. Zhurcheva; Doctor of Philological Sciences, professor I.V. Samorukova.

Введение

В советской литературе 20–30-х гг. XX века пространство трамвая занимает важное место. Анализ текстов означенного периода позволяет предположить, что в данном случае можно говорить не столько о пространстве, сколько о топосе трамвая. При этом топос будет пониматься как «значимое для художественного текста “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства» [Прокофьева 2011, с. 89].

Методология

В качестве основного метода используется семиотический анализ художественного текста, предполагающий соотнесение художественных образов с повседневным контекстом.

Гипотеза

В основе исследования лежит гипотеза о том, что топос трамвая наделяется у Зощенко, Ильфа и Петрова вполне определенными, отнюдь не положительными значениями, становясь частью глобального коммунального пространства.

Результаты исследования

Показательно, что, описывая Москву 20-х годов в своем романе «Доктор Живаго», Борис Пастернак связывает смерть главного героя именно с трамваем. В данном тексте топос трамвая развертывает смыслы, отсылающие к коммунальному или коллективному советскому телу, из которого отчаянно пытается вырваться наружу, на воздух (думается, что и воздух тут имеет метафорическое означаемое, а не понимается буквально) Юрий Жи-

ваго. Примечательна и аллитерация, употребленная автором при описании трамвая: «В это жаркое утро в набитом битком трамвае было тесно и душно» (Пастернак 1989, с. 367). Итак, воскрешая в своем романе, написанном в 40-х, двадцатые годы, автор совершенно сознательно связал трамвай со значениями тесноты и смерти. Немаловажным представляется и то, что вагон с доктором пешком обгоняет мадемуазель Флери: «И она (мадемуазель Флери. — К.П.) пошла вперед, в десятый раз обогнав трамвай, и, ничуть того не ведая, обогнала Живаго и пережила его» (Пастернак 1989, с. 368). В данном случае обогнать трамвай и Живаго и значит остаться в живых. С одной стороны, топос трамвая в романе Пастернака кажется весьма далеким от изображения этого общественного транспорта в сатирической и юмористической прозе Ильфа и Петрова, Зощенко и других авторов 20–30-х гг. XX века. С другой стороны, описывая каждое из десятилетий начала века, Пастернак явно пытался отобразить наиболее характерные и репрезентативные в контекстуальном плане образы. К тому же отнюдь не только в сатирической прозе 1930-х годов также возникал трамвай, снова ассоциировавшийся со смертью. К примеру, можно привести абсурдное описание транспорта из прозаического фрагмента Д.И. Хармса «Едет трамвай». Несмотря на всю нелепость происходящего, в тексте попадает примечательный ответ одного из пассажиров на просьбу пройти вперед: «А куда тут продвинешься, что ли, на тот свет» (Хармс 1997, с. 24). Вновь возникают коннотации, связанные со смертью. Наконец, можно вспомнить роман «Мастер и Маргарита» Булгакова, в котором Берлиоз становится жертвой именно трамвая (Булгаков 1984, с. 53). Да и фольклорная песня «Шел трамвай десятый номер» описывает мнимую гибель в вагоне трамвая:

Шел трамвай десятый номер,

На площадке кто-то помер.

Тянут, тянут мертвеца,

Ламца-дрица-а-ца-ца! [(Блатная песня 2002, с. 242).

Роковую роль, подобную шинку у Гоголя, выполняет трамвай и в другой известной песне «В пивной»:

А во вторник в вагоне трамвая

Я случайно десятку нашел,

И за эту прокляту находку

Я не знаю, домой как дошел (Блатная песня 2002, с. 244).

Благодаря трамвайной находке герой не может подняться со дна жизни и избавиться от алкогольной зависимости.

Почему же возникает такой устойчивый круг значений, связанный с этим транспортом? Основная цель статьи: систематизировать и описать основные смыслы, развертывающиеся в художественном тексте благодаря топосу трамвая.

Представляется неслучайным тот факт, что смерть и у Хармса, и у Пастернака связана с теснотой,

давкой в трамвае. В данном случае закономерным представляется обращение к описанию повседневной жизни столицы, приведенному в исследовании Г.В. Андреевского, как к референциалу топоса трамвая. Отмечается, что, несмотря на увеличение количества трамваев в Москве, спрос все же превышал предложение. Ожидание нужных номеров затягивалось, что получило отражение в сразу нескольких произведениях советских сатириков. В сатирическом очерке «Любимый трамвай» (после прочтения данного текста слово «любимый» не может восприниматься иначе, нежели злая авторская ирония) говорится о том, что графики трамвайного движения не действуют, а порядок появления номеров не поддается никакому логическому осмыслению: «Но мы уже не так молоды, мы знаем, что жизнь сама по себе, а трамвайно-автобусный график — сам по себе. Сначала идут только вагоны тех линий, которые сейчас не нужны. И идут бессмысленно часто. Когда они понадобятся, их не будет полтора часа. Потом, по пятам друг за другом, проходят одни лишь пятнадцатые номера, семь вагонов подряд» (Ильф, Петров 2007, с. 323). Совершенно иррациональный график движения трамваев становится аналогом рока, судьбы, которую невозможно предугадать. Расчет ни к чему не приводит, поэтому показательно, что до места работы герой очерка добирается, доверившись трамвайной мистике: «Висун все-таки попал в трамвай. Правда, это был не его номер, но по какому-то странному стечению обстоятельств он изменил свой маршрут и повез висуна на службу» (Ильф, Петров 2007, с. 325). Получается, что сам факт ожидания нужного номера в логическом смысле обесценивается, представляется обрядом-инициацией: только отстояв энное количество времени, пассажир получает право добираться до места работы, вне зависимости от номера маршрута (который, по идее, и должен являться знаком направления движения). Схожий момент в рассказе М.М. Зощенко «В трамвае» отмечает А.К. Жолковский: «С опорой на колеса реально движущегося транспорта фигурально мыслятся шестеренки некоего хорошо отлаженного социального или иного механизма. Однако гладкость взаимодействия оказывается мнимой» [Жолковский 1999, с. 150].

В повести Зощенко «Возвращенная молодость» также обнаруживается фраза, описывающая время ожидания транспорта относительно человеческой жизни. Прохвост Кашкин, слушая лекцию по астрономии профессора Волосатова, каждый раз примеряет на себя временные циклы других планет: «— Ну хорошо, — говорил он, — ну, пушай, они спят три часа, ну, пушай работают четыре часа, но три-то часа, поймите, мне же мало для личных дел. Все-таки хочется туда-сюда пойти. Я не говорю — театр. В театрах я почти не бываю. Но мало ли? Одних трамваев другой раз ждать час и больше приходится» (Зощенко 1987 б, с. 45). Ожидание трамвая представляется одним из сложившихся каждодневных ритуалов, в которых участвует персонаж.

В фольклоре двадцатых годов такое ожидание очень быстро стало приобретать коннотации смерти: «Эти ожидания дали повод для еще одного не-веселого анекдота. На рельсах лежит человек, а на животе у него батон. Прохожий спрашивает: “Ты чего лежишь с батоном на пузе?” А тот отвечает: “Да вот решил с собой покончить, под трамвай лег, а пока его дождешься – с голоду подохнешь”» [Андреевский 2008, с. 56].

В.Я. Пропп в монографии «Исторические корни волшебной сказки» доказал, что древнейшую основу сказок составляют циклы инициации и представлений о смерти [Пропп 2004, с. 308]. Топос трамвая также порождает смыслы, отсылающие к циклу представлений о смерти. Но и цикл инициации, понимаемой как превращение в часть советского коллективного тела, определенно связан с топосом трамвая. Например, именно как обряд проходит поездка персонажа из «Любимого трамвая».

Герой-«висун» Ильфом и Петровым явно выбран далеко не случайно. Это и примета времени: именно такие «висуны» иногда насмерть разбивались или калечились. Но в свете связи с мифологическими и сказочными сюжетами, базирующимися на цикле инициации, можно охарактеризовать фигуру «висуна» как пограничную, зависшую между двумя мирами: частным, личным, находящимся вне трамвая, и общественным, коллективным, формирующимся внутри вагона. Авторы подчеркивают, что главный герой, несмотря на штрафы, так и не перевоспитался, возможно, поэтому у него и возникают сложности уже с первой частью прохождения обряда. Его пограничное положение, положение трикстера, не может устраивать коллективное тело, вызывает конфликты.

Второй этап обряда после долгого ожидания – это проникновение внутрь трамвая и непременная оплата проезда. В «Любимом трамвае» отмечается, что оплатить проезд первой монетой удастся далеко не всегда, поэтому описываются сборы запасливого героя, который пытается подготовиться к сложной ситуации: «В одном кармане у него лежит никелированный гривенник (не затруднять кондуктора разменом). В другом кармане – второй гривенник (на тот случай, если первый украдут при передаче кондукторше). Еще в одном кармане лежит желтенький бумажный рубль (может быть, оштрафуют – теперь энергично борются с висунами, а он в душе отчаянный висун). И есть еще один карманчик, самый тайный. Там лежат двадцать рублей (возможно «разбитие» стекла, а висун – человек служащий, не тащиться же в милицию для составления протокола, нельзя опаздывать на работу)» (Ильф, Петров 2007, с. 322). В результате первый гривенник бесследно исчезает при оплате, и герою приходится пожертвовать второй монетой. Два гривенника помимо вполне реалистичного толкования, представленного в приведенном отрывке, могут рассматриваться и как аналог монет, сопровождавших покойного в последний путь. Циклы представлений о смерти и инициации тес-

но связаны, а образ кондуктора в топосе трамвая может получать значения, близкие к перевозчику душ Харону. Если Аристофан в период отрицания мифологии превращает величественного перевозчика в обычного паромщика, торгующегося с персонажами в комедии «Лягушки», то у Ильфа и Петрова, Зошенко обычный советский кондуктор приобретает роковые значения.

В рассказе «Любимый трамвай» постоянно подчеркивается абсурдность трамвайного пространства, в котором официальные правила не работают, если же они и действуют, то опять же приносят пассажирам одни неудобства, стесняя их, постоянно ограничивая: «И в ту минуту, когда вагон трещит под напором сдавливаемых тел, когда все пассажиры слились в какую-то единую, начинающую застывать бетонную массу, визжа открывается дверь передней площадки, и внутрь втискиваются восемь милиционеров в новых касках и с кошелками в руках. Им обязательно надо внутрь, надо впечататься в бетон. Есть новое правило, по которому представителям милиции не разрешается стоять на передней площадке» (Ильф, Петров 2007, с. 325). Получается, что милиционеры, которые должны обеспечивать порядок (у Ильфа и Петрова они еще не получают значения то ли Бога, то ли Ангела советской мифологии, как в произведениях концептуалистов), становятся причиной еще большей давки, благодаря новому, опять же, совершенно бессмысленному правилу. Человек в таком положении перестает быть индивидом, не случайно коллективное тело выглядит, как бетонная масса. В данном случае трамвай – это форма, в которую заливают раствор (люди, которые колышутся, подобно вязкому веществу), когда же пассажиры набьются в вагон, они и станут застывшим материалом. Понятие личности нивелируется, а человеческая масса выглядит ироническим образом в сопоставлении с вечным советским «мы», ничего положительного в трамвайно-бетонном растворе не видится.

Возвращаясь к теме оплаты проезда, стоит вспомнить, что наряду с образом «висуна», тщательно подготовившегося к приобретению билета, в советских сатирических произведениях встречаются и диаметрально противоположные персонажи, прилагающие все усилия для того, чтобы не тратиться в трамвае. Подобного героя можно увидеть в рассказе Зошенко «В трамвае». Пассажир «с постным лицом» сначала применяет классическую тактику «зайцев» всех времен и народов, делая вид, что попросту не замечает кондуктора, после предлагает ей слишком крупную купюру, сдачи с которой она дать не в состоянии, и т. д. Можно сказать, что в одном образе Зошенко представил все характерные черты тогдашнего «зайца». Характерно, что человек этот, по всей видимости, бывалый, поднаторевший в безбилетном проезде, в качестве подтверждения данного предположения можно использовать следующие фразы: «Какая попала **на этот раз** ядовитая бабенка. А ну, брось

свистеть и поезжай дальше: я сейчас заплачу»; «Эта кондукторша что-нибудь особенное. То есть я **в первый раз** вижу такое поведение» (Зощенко 1987 а, с. 273). Выделенные лексемы доказывают предположение, что в схватку с кондуктором вступает персонаж, не только прошедший инициацию, но и уверенно себя чувствующий в вагоне, среди коллективного тела, к которому он каждый раз риторически обращается, совершенно не чувствуя за собой вины.

Характерно, что и в этом рассказе появляется тема смерти. Стоя на трамвайной площадке, герой-повествователь так описывает свое состояние: «Разные возвышенные мысли приходят. Разные гуманные фразы теснятся в голове. Разные стихотворения на ум приходят. Из Пушкина что-то такое выплывает в память: “Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца”» (Зощенко 1987 а, с. 271). В «Утопленнике» Пушкина использован традиционный фольклорный сюжет о наказании за человеческий проступок. Испугавшийся ответственности мужик ежегодно навешивает непохороненным мертвецом. Основная идея в сниженном виде представлена в рассказе Зощенко: пытавшийся уйти от ответственности «заяц» в финале наказан, ему все же приходится платить за билет. В рассказе обнаруживается еще одна связь с творчеством Ильфа и Петрова. Поначалу отказывающийся покупать билет гражданин начинает взывать чувствам других пассажиров:

«— Тоже пешком идти — может быть, у меня пузыри на ногах? Какие нечувствительные люди в настоящее время. Совершенно не входят в положение человека. Только за все деньги, деньги и деньги. Прямо, может быть, этого не оберешься. Только давай, давай, давай...» (Зощенко 1987 а, с. 272).

«Человек с постным лицом» выставляет себя больным и несчастным, обвиняя кондукторшу в меркантильных интересах, хотя его истинной целью является именно безбилетный проезд, то есть именно он в первую очередь заботится о деньгах. Жалобы «зайца» аналогичны поведенческим стратегиям Виталия Капитулова, героя рассказа Ильфа и Петрова «Обыкновенный икс», постоянно обвиняющего всех окружающих в равнодушии и таким образом, на манер «зайца», пытающегося извлечь для себя выгоду. В отличие от «висуна», Виталий — это еще один персонаж, освоившийся в коллективном теле трамвайного вагона: «Рассыпая по сторонам сильные удары, Капитулов взбирался на трамвайную площадку первым. Навалившись тяжелым драповым задом на юную гражданку, успевшую захватить место на скамье, Виталий сухо замечал:

— Какая дикость! Средневековье! И таким вот образом меня терзают каждый день.

Замечание производило обычный эффект: вагон затихал, и все головы поворачивались к Виталию.

— Люди — звери, — продолжал он печально. — Вот так в один прекрасный день выберусь из трам-

вая и умру. Или даже еще проще — умру прямо в вагоне. Кто я сейчас для вас, граждане? Пассажир. Обыкновенный икс, которого можно заставлять часами стоять в переполненном проходе. Не умеют у нас беречь людей, этот живой материал для выполнения пятилетки в четыре и даже в три с половиной года. А вот когда свалюсь здесь в проходе, бездыханный, тогда, небось, полвагона освободят. Ложитесь, мол, гражданин. Найдется тогда место. А сейчас приходится стоять из последних сил.

Тут обыкновенно юная гражданка багровела и поспешно вскакивала:

— Садитесь, пожалуйста, на мое место.

— И сяду, — с достоинством отвечал Капитулов. — Спасибо, мой юный друг» (Ильф, Петров 2007, с. 197–198).

Итак, в какой-то степени в словах Виталия вновь объединяются трамвай и смерть. Однако, несмотря на все свои заверения в том, что однажды Капитулов либо вывалится (будто Живаго) из трамвая или умрет внутри вагона, герой, уверенно чувствующий себя в коллективном теле, не погибнет. Прикрываясь советскими лозунгами о внимании к «обыкновенному иксу», характеризуя себя как живой материал для проведения пятилетки (хотя на самом деле Капитулов на рабочем месте ничем не занят, из сочувствия к нему сослуживцы выполняют все обязанности «икса»), Виталий заставляет уступить себе место, а потом читает на весь трамвай газетные некрологи, напоминая пассажирам о смерти.

Возвращаясь к роману Пастернака, можно говорить о противоположности образов: интеллигент Живаго, становясь жертвой коллективного трамвайного тела, советской массы, погибает, «выпадая» из вагона, а Капитулов — наглый паразит, овладевший необходимым речевым жанром, не по праву занимает сидячее место, да и в сам транспорт он умудряется залезть первым. «Возвышенные» речи Виталия о советском средневековье «уравновешиваются» материально-телесным низом, на юную гражданку он наваливается «тяжелым задом», подобные сочетания в тексте Ильфа и Петрова всегда направлены на дискредитацию образа. И Капитулов, и «заяц» из рассказа Зощенко одинаково комфортно чувствуют себя в трамвае, не обращая внимания на других и не считаясь с ними. Именно подобные образы вполне репрезентативны для советской эпохи, для времени становящегося соцреализма, одной из черт которого стало выворачивание смысла слов наизнанку, превращение истины в ложь. Обвиняя окружающих в эгоизме и бессердечии, Капитулов и «заяц», совершенно не рефликсируя по этому поводу, критикуют собственные черты. Не поэтому ли в рассказах Зощенко герои так часто путают критику и самокритику?

В рассказе «Литературный трамвай» (1932) Ильф и Петров помещают всех литераторов именно в коллективное пространство вагона, в котором зву-

чит речь без ремарок и характеристик говорящих. Речь коллективная, трамвайная. Литературная смерть становится эквивалентна выходу из вагона. Весьма симптоматично, что в рассказе пробку на выходе создают не желающие сходить рапповцы (Ильф, Петров 2007, с. 60). Появляется намек на то, что большинство представителей РАПП так и не смогло добиться читательского признания, да и видных мест в будущем Союзе писателей (за исключением Фадеева, который, нужно сказать, присоединился к РАППу довольно поздно) главные напостовцы так и не заняли. Они покидают литературный трамвай. Как видим, образ литературного трамвая также далеко не оптимистичен.

Заключение

Итак, топос трамвая, связанный с коллективным телом, включается в советскую мифологию. Трамвайный вагон способствует пробуждению самых отрицательных сторон человека и является причиной сумасшествия, девиантного поведения. В трамвае всегда тесно, как рыба в воде здесь себя ощущают лишь подлецы и лицемеры наподобие Капитулова или человека «с постным лицом». Личность исчезает, растворяясь в бетонном растворе трамвайного вагона, утрачивая индивидуальное начало. Однако за пределами трамвая — смерть, становящаяся наказанием за отказ быть частью коллективного тела.

Источники фактического материала

Блатная песня 2002 — *Блатная песня*. М.: ЭКСМО-пресс, 2002. 352 с.

Булгаков 1984 — *Булгаков М.А. Мастер и Маргарита*. М.: Современник, 1984. 368 с.

Зощенко 1987 — *Зощенко М.М. В трамвае // Зощенко М. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Л.: Худ. лит., 1987. С. 271–274.*

Зощенко 1987 — *Зощенко М.М. Возвращенная молодость // Зощенко М. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Л.: Худ. лит., 1987. С. 5–160.*

Ильф, Петров 2007 — *Ильф И.А., Петров Е.П. Как создавался Робинзон*. М.: Текст, 2007. 477 с.

Пастернак 1989 — *Пастернак Б.Л. Доктор Живаго*. М.: Книжная палата, 1989. 431 с.

Хармс 1997 — *Хармс Д.И. «Едет трамвай» // Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Академический проект, 1997.*

Библиографический список

Андреевский 2008 — *Андреевский Г. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е*. М.: Молодая гвардия, 2008. 557 с.

Жолковский 1999 — *Жолковский А.К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.

Прокофьева 2011 — *Прокофьева В.Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2011. № 11. С. 87–94.*

Пропп 2004 — *Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт, 2004. 332 с.

References

Andreevsky 2008 — *Andreevsky G. Povsednevnaia zhizn' Moskvy v stalinskuiu epokhu. 1920–1930-e* [Everyday life in Moscow in the Stalin era. 1920–1930-ies]. М.: Molodaia gvardiia, 2008, 557 p. [in Russian].

Zholkovsky 1999 — *Zholkovsky A.K. Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriia* [Mikhail Zoshchenko: poetics of mistrust]. М.: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1999, 392 p. [in Russian].

Prokofieva 2011 — *Prokofieva V.Yu. Kategoriia prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [Category of space in artistic refraction: loci and topos]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University], 2011, no. 11, pp. 87–94. Available at: <http://www.osu.ru/?doc=1037> [in Russian].

Propp 2004 — *Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of a Magic Tale]. М.: Labirint, 2004, 332 p. [in Russian].